
В. А. Прищепова

**Фотоколлекции Кунсткамеры по таджикам и узбекам
Средней Азии конца XIX — начала XX в.**

Поступавшие в Кунсткамеру в конце XIX — начале XX в. иллюстративные коллекции по таджикам и узбекам, как правило, регистрировались в документах как материалы по культуре так называемого оседлого населения Средней Азии. Во многих случаях именно так называли первые отечественные исследователи региона смешанное таджико-узбекское население городов, особенно Самарканда и Бухары. Иногда в описях фотоколлекций указывалось, что одни из них были собраны среди таджиков, другие — среди узбеков. К этой же группе коллекционных материалов конца XIX — начале XX в. относятся фотографии по сартам.

Иллюстративный фонд музея является одним из наиболее богатых и обширных в мире. Среди этих коллекций значительное место принадлежит материалам по оседлому населению. Начало формирования этого собрания относится к концу XIX — началу XX в. Большинство музейных изображений не было опубликовано и не введено в научный оборот. Материалы иллюстративных коллекций МАЭ являются важнейшим источником по этнографии, культуре и истории оседлого населения Средней Азии. Музейный иллюстративный фонд рассматриваемого региона разделяется на рисунки, чертежи, эстампажи, стеклянные негативы, фотопленки, фотографии и открытки, собранные в отдельных случаях в коллекции и целые альбомы, а чаще всего это разрозненные экземпляры изобразительного характера.

Первые иллюстративные материалы по оседлому населению Средней Азии музея содержатся в фотографическом «Туркестанском альбоме», который поступил в МАЭ в 1874 г.¹. Полное назва-

¹ МАЭ, колл. № И-674.

ние альбома — «Туркестанский альбом по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана 1-го составил А. Л. Кун». В фондах МАЭ имеется один том альбома. Снимки выполнены фотографом Н. Нехорошевым.

Тематически «Туркестанский альбом» был посвящен культуре населения «завоеванной и присоединенной к России Сырдарьинской области и Заравшанского округа». В томе альбома, который хранится в МАЭ, представлены в основном поясные и выполненные в полный рост портреты представителей разных народов, мужчин и женщин, населявших край, — «Типы народностей Туркестанского края» — в традиционных, преимущественно праздничных, костюмах, в том числе таджики и афганцы. Например, таджик — Ура-тюбинский *казы* в белоснежной большой чалме, надвинутой до бровей². В «Туркестанском альбоме» имеются единичные портреты ягнобца и иранца. Составитель альбома А. Л. Кун, специально интересовавшийся языком ягнобцев и первый высказавший предположение о том, что они потомки согдийцев, организовал фотографирование ягнобцев с целью зафиксировать и сравнить, насколько в антропологическом плане «ягнаубский тип» отличен от таджикского³.

В состав тома «Туркестанского альбома» из собраний МАЭ входят фотографии «Заравшанского округа» с видами Самарканда, изображениями архитектурных сооружений, серия снимков «Заравшанский округ. Самарканд и его уличные типы». В виде отдельных сценок на них изображены лавки мелких торговцев, базары, отдельные промыслы, в том числе забытое ремесло починщиков битой посуды, чья искусная работа с помощью мелких скобок и заклепок вызывала восхищение у русских путешественников, отмечавших, что миски, чайники и пиалы после ремонта выглядели как новые, предметы утвари, показаны приготовление некоторых традиционных блюд, сплав леса по реке, некоторые обычаи, народные развлечения (праздники Курбан-байрам, Рамазан), увеселения в *чайхане*, с музыкантами и плясками мальчиков-*баччей*.

Целый картон с пятью photographиями называется «Мусульманская школа». Вокруг учителя под открытым небом у стены дома расположились ученики. Один ученик и его учитель склонились над книгой и водят по строчке пальцами. На другой фо-

² МАЭ, колл. № И-674-10.

³ МАЭ, колл. № И-674-13.

тографии два мальчика старательно выводят буквы палочками, обмакивая их в чернила, на уроке чистописания. Выраженный постановочный характер носит сцена «Наказание»: у провинившегося ученика ноги привязаны к палке и приподняты. Учитель занес палку, чтобы ударить по ним. Но по мальчишке, удобно прислонившемуся к стене дома и вззирающему с любопытством в сторону фотокамеры, заметно, что он позирует⁴.

Отдельные картоны альбома посвящены Каты-Кургану, Ура-Тюбе, Ташкенту, Ходженту, Казалинску. Ряд пейзажей знакомил с характером местностей, как горных, так и степных.

В 1924 г. в фотолаборатории МАЭ была выполнена коллекция стеклянных негативов⁵. Эти изображения стали дополнением к тому «Туркестанского альбома», хранящемуся в музее.

В эту коллекцию входят негативы антропологических типов таджиков, серия изображений по религиозным обычаям и обрядам таджиков (ремесленные, свадебные, женские), а также традиционным занятиям оседлого населения. На негативах, связанных с земледелием, показаны орудия труда, процесс обработки зерна (молотьба, мельницы и толчеи местной конструкции).

Значительная часть негативов представляет различные виды промыслов, ремесел и торговли. Многие лавки были одновременно и мастерскими (шорные, токарные, кузнечные, сапожные и другие), в которых продавались одинаковые товары. В разделе, посвященном арбяному ремеслу, показаны два вида арбы: кокандская и бухарская, этапы выделки их составных частей, сборка. Часть материалов коллекции связана с обработкой и использованием такого интересного строительного материала, как камыш. Он использовался для плетения крыш, заборов, разнообразных циновок, которые находили применение в хозяйстве. В числе изображений показана работа гончара по изготовлению печей, домашней глиняной утвари.

Широкое распространение у местного населения имела металлическая посуда из красной и желтой меди, которая также представлена на негативах коллекции 1924 г. Среди снимков промыслов и ремесел хранятся изображения свечного, мыловаренного, масляного и пекарного производств, приготовления нюхательного табака, выделки кож рогатого скота, работы кузнецов и литейщиков и продажа их изделий. В числе предметов

⁴ МАЭ, колл. № И-674-67—71.

⁵ МАЭ, колл. № 3009.

из железа и меди, которыми торговали, показаны, например, инструменты ремесленников. Все они имели довольно бедный набор инструментов, и для изготовления их поделок требовались терпение и затрата большого количества времени.

Отдельная часть негативов посвящена такому традиционному занятию населения, как ткачество: хлопчатобумажное, производство шелка, обработка шерсти и ковроделие. На большей части изображений показаны мужчины, хотя по литературе известно, что это были домашние виды ремесел и занимались ими в домашних условиях женщины. Но когда изделия производились в промышленных количествах и шли на продажу, то это было работой мужчин.

Некоторое количество изображений связано с народным театром, показом артистов-группы *маскарабозов*, а также мужской и женской одежды. Общественная жизнь населения освещена на снимке «Сбор податей».

В 1958 году МАЭ изготовил более 300 отпечатков с некоторых стеклянных негативов «Туркестанского альбома»⁶, выполненных в 1871—1872 гг., хранившихся в Институте истории материальной культуры. Эти фотографии дополнили экземпляр «Туркестанского альбома» музея. Они были зарегистрированы как самостоятельная коллекция.

Фотографии этой коллекции можно сгруппировать по темам: портреты мужчин и женщин оседлого населения с показом традиционного костюма, изображения, связанные с занятиями (сельское хозяйство, ремесла и торговля). Из многочисленных видов традиционных ремесел в коллекции представлены фотографии различных этапов обработки хлопка, шелка, кустарного ткачества, выделки кожи, сапожного дела, металлообработки (чугунно-литейного производства и выделки медных изделий), изготовления камышовых циновок, плетения нагаек, деревообработки, шорного, табачного ремесла, выделки гончарами печей-тануров.

Почти каждый вид ремесел сопровождается снимком набора инструментов мастера. Значительное количество фотографий посвящено типам торговцев различными товарами, в том числе продуктами питания и готовыми изделиями. На ряде снимков собраны предметы домашней утвари (металлическая, деревянная и керамическая посуда). Отдельные фотографии изобража-

⁶ МАЭ, колл. № И-1718.

ют бытовые сцены, эпизоды общественной жизни: суд, некоторые религиозные обряды, обучение в начальной школе, показаны местные транспортные средства. Группа фотографий зафиксировала некоторые традиционные праздники, развлечения и увеселения (*чайхана*, группа мужчин, занятых игрой в кости, дети на каруселях, выступления местных артистов и музыкантов).

Таким образом, кроме тома «Туркестанского альбома» в МАЭ хранятся еще три коллекции негативов и фотографий, дополняющих его.

Вместе с материалами тома «Туркестанского альбома», хранящегося в МАЭ, в эту же папку вложен еще один альбом. Это фотографии с рисунков и картин художника В. В. Верещагина. Полное название этого альбома «Туркестан. Этюды с натуры В. В. Верещагина, изданные по поручению Туркестанского генерал-губернатора на высочайше дарованные средства. 26 листов с 106 рисунками. Санкт-Петербург. 1874».

Этот альбом В. В. Верещагина известен в двух вариантах. Под названием «Русский Туркестан» он был издан в виде книги большого формата. Он также существовал в виде альбома, состоявшего из отдельных листов, вложенных в папку, под названием «Туркестан». Именно такой альбом хранится в МАЭ. Тематически он тесно связан с «Туркестанским альбомом», и, возможно, поэтому оба фотоальбома были зарегистрированы в МАЭ как одна коллекция, под одним номером⁷. В общей описи двух коллекций сделана сплошная нумерация, которая переходит после фотографий «Туркестанского альбома» (с № 117) сразу к перечню изображений репродукций В. В. Верещагина. На титульном листе альбома типографский текст и название альбома переписаны от руки на листе бумаги. На нем указано, что альбом художника «Туркестан» состоит из 26 листов, которые содержат 103 изображения. Правда, альбом в МАЭ состоит лишь из 24 картонов и содержит 106 изображений. По размерам картоны альбома фотографий с рисунков В. В. Верещагина такие же, как и «Туркестанского альбома».

В альбоме В. В. Верещагина собраны фотографии с рисунков — портреты представителей разных народов Средней Азии и Казахстана, мужчин и женщин, в том числе таджиков, персов, афганцев. На этих рисунках, если это поясные портреты, пока-

⁷ МАЭ, колл. № И-674.

заны головные уборы мужчин, прически и украшения женщин. На рисунках мужчины изображены в большинстве случаев в чалмах, и художник обратил внимание на разную манеру накручивания и ношения этого головного убора.

Художник сумел точно передать антропологические особенности, присущие одному или другому народу. На одном рисунке таджичка нарисована в головном платке, повязанном низко на лоб. Ее традиционная прическа представляла собой распущенные сзади по спине и плечам косы, ушей выпущены вьющиеся пряди волос. Сартянка, также в платке, изображена с более монголоидными чертами лица, остриженные пряди волос — прямые.

В фотоальбом В. В. Верещагина входят репродукции картин «Дворик дома в Самарканде» и знаменитые «Нищие в Самарканде» и «Диваны (дервиши)», которые вызвали особый интерес художника. Остальной материал альбома — это изображения местных достопримечательностей, памятников архитектуры, караван-сараев.

Возвращаясь к истории формирования иллюстративного фонда отдела Центральной Азии МАЭ, продолжим рассмотрение коллекций, связанных с участием К. П. Кауфмана в культурно-просветительской деятельности.

Фотографии альбома «Типы народностей Средней Азии»⁸ были выполнены В. Козловским в Ташкенте. Альбом был составлен по приказанию К. П. Кауфмана Комитетом по участию Туркестанского края в III Международном конгрессе ориенталистов в Петербурге в 1876 г. В альбом вложена записка, написанная тушью черного цвета, в которой сообщалось, что альбом доставил К. П. Кауфман для собственной библиотеки императора 6 сентября 1877 г.

Альбом состоит из черно-белых фотографий. На каждую страницу альбома, изготовленную из плотного картона, наклеено по два поясных портрета, снятых в двух ракурсах: в фас и профиль. Большая часть народов представлена в альбоме изображениями как мужчин, так и женщин. В некоторых случаях показано по два человека, мужчин и женщин, но разных по возрасту.

⁸ МАЭ, колл. № И-2205.

В альбоме представлены два сарта и три сартянки, по два мужских и женских портрета таджиков, молодых и старых, два каратегинца, а также фотография афганца.

Обычно на изображениях местное население показывали в традиционных костюмах и головных уборах. В альбоме «Типы народностей Средней Азии» во многих случаях головные уборы отсутствуют. Кроме фрагментов одежды на фотографиях продемонстрированы бытовавшие прически и украшения.

После поступления в МАЭ серии фотоальбомов иллюстративный фонд продолжал пополняться коллекциями от частных лиц и участников экспедиций.

Исключительно ценным приобретением для музея стали покупки в 1894 и 1897 гг. у Н. Ордэ двух коллекций фотографий по разным народам Средней Азии⁹.

Серия снимков Н. Ордэ о Бухарском ханстве представляет собой наиболее ранние и наиболее полные фотоизображения жизни эмирата, который долгие годы сохранял свою изолированность от внешнего мира. Фотографии Н. Ордэ стали своего рода открытием Бухары. Его снимки по народам Средней Азии содержат редкую, порой уникальную, информацию. Это касается изображений традиционной одежды, жилища, занятий, сельского, кочевого, а также городского ирано- и тюркоязычного населения.

С конца XIX — начала XX в. в МАЭ начинается новый этап собирательской деятельности музея. С этого времени музей начал систематический экспедиционный сбор коллекций по этнографии народов Средней Азии и Казахстана. Директор музея академик В. В. Радлов с этой целью привлекал широкий круг лиц.

Известный востоковед академик барон В. Р. Розен в 1899 г. передал обширное собрание фотографий собирателя Я. Лютче по Ферганской области и Самарканду¹⁰.

В 1912 г. С. М. Дудин передал музею большую коллекцию негативов (более 260 единиц) снимков общего характера и деталей мавзолеев Шахи-Зинда, которые он сделал, как указано в музейных документах, во время командировки от Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в Самар-

⁹ МАЭ, колл. №№ 255, 1403.

¹⁰ МАЭ, колл. № 512.

канд¹¹. Вместо описи к коллекции приложен «Каталог фотографических снимков с мавзолеев Шахи-Зинда. Снимки выполнены художником С. М. Дудиным в течение лета 1905 г. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Выставлены для обозрения в залах Императорской Академии наук. Санкт-Петербург. 1906 г.» История этой коллекции такова.

В 1895 г. востоковед профессор Н. И. Веселовский возглавил экспедицию для собирания материалов по описанию древних самаркандских мечетей. В ее состав входили художник С. М. Дудин, художники-архитекторы Н. Н. Щербина-Крамаренко, П. Н. Покрышкин, А. В. Щусев и фотограф Чистяков (инициалы неизвестны), которые должны были составлять описания и фотографировать архитектурные памятники Самарканда. Работы финансировала Археологическая комиссия. Рисунки и чертежи, относящиеся к Гур-эмиру, были выполнены П. Н. Покрышкиным и А. В. Щусевым, Биби-ханым — Н. Н. Щербиным-Крамаренко и П. Н. Покрышкиным, а по Шахи-Зинда работы производились многими художниками. Фотографии были выполнены С. М. Дудиным и Чистяковым.

В последующие годы к работе этой историко-архитектурной экспедиции присоединились художники М. В. Печаткин, В. И. Быстренин, А. Д. Раевский, архитектор К. А. Романов. Долгие годы в собраниях МАЭ хранились археологические материалы из древнего городища, прародителя Самарканда, — Афрасиаба. В 1930-е гг. почти всю обширную коллекцию передали в Эрмитаж. В настоящее время в МАЭ осталось лишь несколько керамических предметов.

Одним из аспектов деятельности экспедиции Н. И. Веселовского было изучение, научная фиксация, охрана и создание научного проекта реставрации историко-архитектурных сооружений Самарканда. Первыми объектами изучения стали Гур-эмир и Биби-ханым. Работа предстояла очень большая и была рассчитана на несколько лет.

Задачей С. М. Дудина как художника-фотографа было научно и подробно фиксировать сохранившиеся местные архитектурные памятники и их убранство: «Из местных “охранителей древности” никто не дал себе труд собрать те мозаики, какие имелись на барабане (площадь их по приблизительному расчету

¹¹ МАЭ, колл. № 1966.

должна была равняться нескольким десяткам квадратных аршин!)»¹². Фотографированию подлежали все архитектурные детали. О трудоемкой и кропотливой работе в условиях жаркого летнего Самарканда свидетельствуют строки письма С. М. Дудина В. В. Радлову: «Перед съемкой я промываю те площади, которые плохо могут выйти из-за пыли и грязи, накопившейся на изразцах и мозаиках. Делаю я это всюду, куда только хватает моей лестницы»¹³.

С. М. Дудин с помощью двух студентов Академии художеств делал общие и детальные снимки архитектурных сооружений. Большие деревянные двери, украшенные тонкой резьбой, которые находились в мечети Гур-эмир, уже поврежденные, в целях сохранения их от окончательной гибели перевезли в Петербург. В настоящее время они хранятся в Эрмитаже.

В 1905—1907 гг. по поручению Русского Комитета по изучению Восточной и Средней Азии С. М. Дудин совершил еще две поездки в Самарканд. Наиболее плодотворным было лето 1905 г., когда С. М. Дудин производил раскопки в мавзолеях Шахи-Зинда. Собирал коллекцию по древней керамике для МАЭ и Этнографического отдела Русского музея и одновременно выполнял фотоснимки со старых архитектурных памятников. О большом объеме работ говорят строки письма С. М. Дудина В. В. Радлову: «Фотографирование мечетей идет полным ходом. Самая важная Мирза-Улугбек окончена. На нее ушло 170 снимков... После Ширдара и Тиля Кари я примусь за другие загородные мечети... После фотографирования с моим товарищем примусь за акварели... я успею выполнить все, что мною обещано Комитету»¹⁴.

В 1906 г. в залах Академии наук была организована выставка почти двухсот фотографий С. М. Дудина. Она вызвала большой общественный и научный интерес, о чем свидетельствуют отклики в печати и запросы библиотек на каталог выставки. Фотографии С. М. Дудина в полной мере фиксировали декоративные и архитектурные детали мавзолеев и мечетей Шахи-Зинда и заняли место «среди наиболее ценных собраний отдела изображений МАЭ»¹⁵. Именно каталог этой выставки вместо описи

¹² А РАН, ф. 177, оп. 2, № 102, л. 3об.

¹³ А РАН, ф. 148, оп. 1, № 50, л. 41об.

¹⁴ *Ibid.*, л. 38об.

¹⁵ А РАН, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 45, л. 10.

хранится в коллекции негативов, полученных музеем от С. М. Дудина¹⁶.

Работа экспедиции Н. И. Веселовского и его коллег, в том числе С. М. Дудина, была справедливо оценена научной общественностью как начало систематического изучения историко-архитектурных памятников Самарканда. В результате работы экспедиции были произведены обследования архитектурных памятников Самарканда и опубликованы художественные издания. Но, как писал В. В. Бартольд: «Издание альбома требовало больших средств, которыми комиссия не располагала; до сих пор появился только один выпуск, вышедший в свет еще в 1905 г. и посвященный только одному зданию Гур-эмир, и это здание в нем далеко не исчерпано»¹⁷.

В 1918 г. С. М. Дудин передал музею коллекцию стереонегативов, которые он выполнил в Самарканде среди оседлого населения¹⁸. В коллекцию С. М. Дудина входят снимки бытовых сцен, уличных типов, мастерских ремесленников, торговых рядов, посетителей *чайханы*, *дервишей* на базаре, музыкантов, сюжетов, связанных с религиозными обрядами и т. п.

В музее хранятся две фотоколлекции по Самарканду и Бухаре, переданные в 1908 г. студентом-медиком Е. Н. Павловским. Одна из них состояла из стереоскопических снимков¹⁹. Стереофотографии изготавливали небольшими по размеру. На одном паспарту по горизонтали помещались два одинаковых снимка, и смотреть их нужно было одновременно через специальное оптическое устройство, чтобы получилось объемное изображение. Эта технология не получила в дальнейшем широкого распространения.

В 1909 г. через кружок любителей этнографии, который действовал при МАЭ, Н. И. Щербин-Крамаренко подарил музею фотографию с довольно редко встречающимся изображением группы *дервишей* Самарканда²⁰.

¹⁶ МАЭ, колл. № 1966

¹⁷ В. В. Бартольд, «Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки», *Записки Восточного Отделения Русского Археологического общества XXV* (1921), с. 351.

¹⁸ МАЭ, колл. № 2696.

¹⁹ МАЭ, колл. №№ 1320, 1321.

²⁰ МАЭ, колл. № 1487.

В 1912 г. в музей поступила небольшая коллекция по Бухаре от И. И. Умнякова, впоследствии видного ученого²¹. В 1913 г. художник Б. Ф. Ромберг был специально командирован в Бухару для фотографирования мечетей и сбора этнографических предметов. Он передал в музей коллекцию негативов по Бухарскому ханству²².

Сюда же можно отнести коллекцию художественно оформленных фотографий и стереонегативов от Н. С. Воронец. Она поступила в более поздний период, но отражает жизнь населения Бухары и Самарканда 1898—1902 гг.²³. Исторические фотографии по Хиве, Самарканду и Бухаре также содержатся в коллекции, поступившей позднее, которую музей купил у В. М. Иеромузо²⁴.

В 1950-е гг. в музее был зарегистрирован ряд фотографий и негативов разных по тематике, в том числе и по Бухаре, от неизвестных собирателей под названием «Из старых поступлений музея»²⁵.

Собиратель В. Д. Пельц из Самарканда подарил МАЭ в 1913—1914 гг. три коллекции фотографий²⁶. Среди них есть изображения таджиков долины реки Заравшан, артистов местного цирка.

В 1914—1916 гг. начинающий в те годы исследователь, а впоследствии крупнейший ученый, востоковед-иранист И. И. Зарубин совершил уникальные по своим научным результатам экспедиции к народам Памира. В музей он привез обширные фотографические коллекции по горным таджикам, как называли в те годы многочисленные памирские народы²⁷. Только стеклянных негативов из коллекций И. И. Зарубина насчитывалось около 900 единиц.

В 1914 г. от И. И. Зарубина поступило две иллюстративные коллекции. Одна из них — коллекция негативов по горным таджикам, по рушанцам, которые он выполнил на Памире, в долинах рек Бартанга и Пянджа, где работал по поручению МАЭ

²¹ МАЭ, колл. № 2020.

²² МАЭ, колл. № 2258.

²³ МАЭ, колл. № И-1179.

²⁴ МАЭ, колл. № 2805.

²⁵ МАЭ, колл. № И-1294.

²⁶ МАЭ, колл. №№ 2122, 2301, 2302.

²⁷ МАЭ, колл. №№ 2371, 2372, 2499, 2621.

и Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии²⁸. Это были первые изобразительные материалы по народам Памира в собраниях музея. В них нашли отражение некоторые виды ремесел, жилище, хозяйственные постройки, материалы, связанные с обычаями и религией, народным орнаментом.

Вторая коллекция 1914 г., которую И. И. Зарубин передал музею, состояла из стереонегативов. Среди них — снимки хозяйственной жизни населения (полевые работы, некоторые виды ремесел), предметов быта, средств передвижения, изображения, связанные с воспитанием детей, традиционными развлечениями²⁹.

Французский иранист Р. Готье, под руководством которого И. И. Зарубин работал во время своей первой экспедиции на Памир и у которого выучился методике сбора полевых материалов по языку, подарил музею небольшую коллекцию негативов по горным таджикам из районов Нагорной Бухары³⁰.

В 1915 г. И. И. Зарубин привез из Нагорной Бухары коллекцию стереонегативов (более 100 единиц)³¹.

В 1915—1916 гг. И. И. Зарубин работал на Памире, в Нагорной Бухаре по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Из экспедиции молодой ученый привез большую коллекцию (более 500 единиц) стереонегативов из жизни горных таджиков, ваханцев, шуганцев, ясинцев³². Это собрание освещает почти все стороны культуры и быта местного населения: традиционные занятия (земледелие, сельскохозяйственные орудия, охота), ремесла (обработка, разбивание шерсти, ткачество), приготовление пищи (сбивание масла, сушка яблок), домашнюю утварь, типы, внешний и внутренний вид жилищных и хозяйственных построек, мужскую, женскую и детскую одежду, религиозные обычаи, народные праздники и развлечения.

Благодаря сотрудничеству с музеем всех собирателей был создан первоначальный дореволюционный иллюстративный фонд по рассматриваемому региону.

²⁸ МАЭ, колл. № 2371.

²⁹ МАЭ, колл. № 2372.

³⁰ МАЭ, колл. № 2860.

³¹ МАЭ, колл. № 2499.

³² МАЭ, колл. № 2621.